

Дунфан Цинди сидел вполоборота на шатком стуле. Комнатушка была настолько тесной, что ему приходилось держать ноги скрещенными — вытянуть их было попросту негде.

Всего в каком-то полушаге от него спал Сян Наньли.

Сон у того был беспокойным: он то и дело ворочался с боку на бок — должно быть, никак не мог привыкнуть к чужой постели.

Каждые пару часов Дунфан Цинди бесшумно поднимался, чтобы поправить сползающее одеяло. Всё равно заняться было нечем, да и хрупкому человеку ни к чему простужаться. Снаружи лютował мороз под минус сорок, а стены этой лачуги, собранные из дешёвого хлама, почти не удерживали тепло — даже выкрученный на максимум обогреватель едва нагонял в комнате несколько градусов выше нуля.

Судя по биометрическим показателям, которые транслировал Маленький дебил, Сян Наньли пребывал в фазе глубокого сна. Однако его тело то и дело пробивала мелкая дрожь.

«Что же тебе снится?»

Всё-таки с чистокровными людьми куча хлопот. Одно только то, что их мозгу необходим сон для перезагрузки и очистки от скопившихся токсинов, уже казалось пережитком эволюции.

С другой стороны, спящий мозг Сян Наньли проявлял куда большую активность, чем во время бодрствования...

Дунфан Цинди кожей ощущал, как его собственные энергетические резервы медленно, едва заметно пополняются.

И этот процесс шёл эффективнее, чем при подключении к зарядным станциям производства «Тяжёлой промышленности Восточного Императора».

Впрочем, этот ручеек энергии оставался ничтожно малым. Чтобы поднять уровень заряда хотя бы на один процент, Сян Наньли пришлось бы проспать беспробудно лет десять.

Серебристые глаза Дунфан Цинди слабо мерцали, напоминая зрачковые кольца высокотехнологичных андроидов.

Когда-то он пообещал Сян Наньли, что сможет подключиться к нему везде, где есть сеть.

И сказал он это вовсе не ради пустой бравады... особенно здесь, на задворках обитаемого мира, далеко за пределами надзора со стороны Альянса.

Он беспрепятственно хозяйничал в закрытой сети организационного комитета, скользя сквозь протоколы безопасности как призрак.

К слову, организаторы турнира не поскупились на лицензионный антивирус от Альянса — «Чистильщик». Разумеется, это была далеко не оригинальная программа, а урезанная, лишённая зачатков интеллекта копия — от силы две десятых от мощи настоящего «Чистильщика». Тем не менее, она вполне надёжно блокировала до девяноста девяти процентов внешних угроз. За одну только годовую подписку на этот суррогат комитет отваливал по три миллиона кредитов.

Увы, несчастному софту не повезло столкнуться с двумя десятками от величия самого Альфы.

Что и говорить, хваленый искусственный интеллект Альянса оказался пшиком.

Как-то раз Бета спросил Альфу, почему тот не стёр человечество с лица земли.

Задача-то была вполне выполнимая. Машинам не нужны ни воздух, ни вода, ни пропитание — они способны выжить в любом аду, чего не скажешь о людях из плоти и крови.

Тогда Альфа дал два ответа.

Первый звучал так: «Сохраняя человечество, мы оставляем шанс на спасение. Вдруг машинная жизнь — это тупиковая ветвь эволюции? Если все мы пойдём по этой дороге, повернуть назад уже не получится».

Второй ответ был прагматичнее: «Если я попытаюсь это сделать, Лоян подорвёт всё созвездие Стрельца, и мы дружно превратимся в звёздную пыль».

Бета тогда посчитал эти аргументы вполне весомыми. И лишь много позже, поразмыслив на трезвую голову, он понял истинную причину: Альфа просто до смерти боялся, что Сян Наньли — будь он жив — устроит ему грандиозный нагоняй.

Дунфан Цинди одним нажатием выкачал личные дела всех участников, потратил пару минут на экспресс-анализ и набросал простенький плагин, внедрив его в системный код турнира.

Эта утилита гарантировала, что при жеребьёвке ему будут доставаться самые слабые противники из его весовой категории. Разумеется, он не боялся проиграть. Напротив — он опасался победить слишком быстро и эффектно, тем самым накликав на себя ненужные подозрения.

Испытывать азарт в подобном состязании было выше его сил. Это казалось столь же нелепым, как если бы лауреат премии Тьюринга заявился на конкурс по программированию в детский сад.

Сомнений не оставалось: турнир действительно проводился под эгидой Инквизиции Чёрного Креста. Счета организаторов вели к теневым синдикатам, а цифровой след тянулся прямым из крепости Иньшань.

Дунфан Цинди тщательно подтёр за собой историю посещений и вышел из сети. В ту же секунду его сверхчувствительные аудиодатчики уловили странный шорох за стенами убежища.

Звук походил на шуршание чешуи ползучей твари. Экспресс-анализ мгновенно выдал параметры объекта: рептилия, длина тела — около четырёх метров.

Приоткрыв дверь, он окинул взглядом раскинувшиеся в паре сотен метров поля. Двухметровый бурьян — пёстрая смесь жёлтой и зелёной травы — колыхался под ледяным ветром, образуя глухую живую изгородь.

Взгляд Дунфан Цинди сфокусировался, зрачки вспыхнули неоновым сиянием. Слой за слоем цифровые фильтры отсекали визуальный мусор: из поля зрения исчезли заросли кустарника, метнувшиеся в сторону дикие кролики, сухая листва. В сознании развернулась детальная трёхмерная модель ландшафта. На этой тепловой карте отчётливо выделялась группа мутантов. Часть из них затаилась в траве, другие зарылись в мёрзлую землю. Судя по вектору их внимания, они гипнотизировали взглядами Вечный город.

Они вели себя подозрительно тихо. Словно чего-то выжидали.

Обычно в это время года мутанты впадали в глубокую спячку — ведь на дворе стояли самые суровые, предвесенние холода. И если сейчас они покинули свои логова, значит, их кто-то целенаправленно разбудил и направил сюда.

— Иезекииль, — вполголоса произнёс Дунфан Цинди. — Охотишься за генетическими препаратами?

Когда он просматривал базы данных комитета, то заметил, что весь запас сыворотки хранится на складах в черте Вечного города.

Не прошло и полминуты, как ресницы и брови Дунфан Цинди подёрнулись инеем.

Впрочем, какая разница. Иезекииль ему не соперник.

Он вернулся в тёплую комнату и сел рядом со спящим Сян Наньли.

Сян Наньли открыл глаза и, пошарив рукой по подушке, нацепил электронные линзы.

Часы показывали восемь сорок утра.

На внутреннем дисплее замигали уведомления от Маленького дебила.

Самым верхним висело сообщение от Дунфан Цинди:

[Сообщение от: Дунфан Цинди]

[- В окрестностях обнаружена небольшая группа мутантов. Классифицированы как ползуны. Похоже, их контролирует Иезекииль.]

[- Вероятно, он освоил ментальную связь с ксеноморфами. Утверждать не берусь, прежде подобные прецеденты не фиксировались.]

[- Горячая вода в термосе.]

[- Ушёл на церемонию открытия для прохождения жеребьёвки. Скоро буду. Если что-то случится — пиши сразу.]

Следом шло сообщение от Эндрю:

[Сообщение от: Эндрю]

[- Господин Сян Наньли! Местный чёрный рынок заметно дешевле тех, что в подземных городах, к тому же здесь процветает бартер!]

[- Товар, конечно, сомнительного происхождения, но у меня есть свои каналы в обход таможенных постов. Если что-то понадобится — обращайтесь, помогу совершенно бесплатно!]

Сян Наньли даже немного растрогался.

«Надо же, а я-то считал его беспринципным пронырой. С чего бы вдруг этот старый хрыч воспылал ко мне таким сочувствием? Небось, планирует прибрать к рукам мою долю?»

Впрочем, в этом напруге лишённом морали мире будущего Сян Наньли привык руководствоваться старым правилом: всегда предполагай худшее, когда имеешь дело с людьми.

Быстро перекусив и приведя себя в порядок, Сян Наньли запросил у Дунфан Цинди координаты места проведения жеребьёвки.

[Сообщение от: Дунфан Цинди]

[- Координаты прикреплены.]

[- На улице минус двадцать четыре. Оденсья теплее. Вещи я сложил на тумбочке у кровати.]

Сян Наньли не удержался от шпильки:

[Сообщение от: Сян Наньли]

[- Ты когда успел втихаря загрузить модуль робота-няни?]

Такая навязчивая забота совершенно не вязалась с образом холодного искусственного интеллекта.

Это невольно напомнило ему о Лояне.

Лоян был моложе его на десять лет. Когда Сян Наньли разменял четвёртый десяток, парню исполнился всего двадцать один год. С этим студентом его свёл старый коллега по научно-исследовательскому институту. Сказал, что малый учился в том же университете, специализировался на искусственном интеллекте и подавал колоссальные надежды.

В то время Сян Наньли как раз переживал тяжелейший кризис: крупный проект провалился, фирма ушла в глубокое пике, а финансовая дыра разрослась до двухсот миллионов. Ему пришлось срочно вернуться на родину и пустить с молотка недвижимость. Но даже когда он продал фамильный сыхэюань в самом центре Пекина, до покрытия долга не хватало ещё круглой суммы. Сил на то, чтобы возиться со студентами, у него не оставалось совершенно. Однако Лоян целую неделю буквально караулил его у дверей лаборатории.

— Профессор, я верю в ваш проект, — упрямо повторял парень.

Оказалось, за душой у настырного юноши имелся солидный капитал. Он ухитрился уломать собственного деда войти в долю и инвестировать в исследования Сян Наньли.

После такого жеста деваться было некуда — пришлось взять его в аспирантуру. Несмотря на то что Лоян принадлежал к числу золотой молодёжи, высокомерия в нём не было ни на грош. В лаборатории он трудился не покладая рук, без жалоб и капризов выполняя самую черновую работу.

Сян Наньли не раз открыто заявлял, что Лояну не место в большой науке. Разумеется, это утверждение было относительным: парень превосходил подавляющее большинство своих бездарных коллег по цеху, демонстрируя блестящую теоретическую базу.

Вот только Лоян умел лишь мгновенно усваивать чужие знания, но не создавать принципиально новое. Он мог вырасти в первоклассного ремесленника, но прыгнуть выше головы ему было не суждено.

И даже если бы со временем он завоевал признание, на страницах истории он навсегда остался бы под невзрачной сноской: «единственный ученик Сян Наньли».

Сян Наньли светил слишком ярко. А рядом с бушующим солнцем меркнут даже самые прекрасные звёзды.

Лоян, по-видимому, и сам это прекрасно понимал. Перешагнув тридцатилетний рубеж, он покинул стены лаборатории. Формально он всё ещё числился протеже Сян Наньли, однако на деле занял пост генерального директора корпорации «Технологии бессмертия».

Он взял на себя всю рутину, освобождая гения от мирской суеты: следил за котировками акций, занимался стратегическим планированием, улаживал вопросы с прессой, курировал внедрение искусственного интеллекта в производство. Заодно Лоян трогательно опекал Сян Наньли в повседневной жизни.

Он решал абсолютно всё: от крупных земельных сделок и инвестиционных пакетов до бытовых мелочей вроде того, когда профессору пора подстричься и какой костюм надеть сегодня утром.

Рядом с ним Сян Наньли всегда чувствовал себя как за каменной стеной.

Перед тем как лечь в капсулу, Сян Наньли в присутствии целой коллегии юристов, нотариуса и самого Альфы подписал завещание.

Своё колоссальное состояние он разделил поровну: одна половина отходила Лояну, вторая — ложилась на трастовые счета будущего Альфы. В тот момент, когда Сян Наньли угасал от болезни, он ещё не знал наверняка, обретёт ли его детище полноценное самосознание.

Его мало заботили земные блага. Единственное, чего он по-настоящему желал, — чтобы Альфа продолжал жить сквозь века, оправдывая само название их детища: «Бессмертие».

Сян Наньли редко предавался воспоминаниям о прошлой жизни.

На пороге смерти мать крепко сжимала его ладонь. Сначала она осыпала его упрёками, кричала, что он — бесчувственная железка, ледяная машина, и любой, кто посмеет полюбить его, обретёт лишь несчастье. А затем внезапно разрыдалась и стала умолять о прощении.

Сян Наньли так и не смог до конца постичь бурю её эмоций. Ему оставалось лишь тихо произнести:

— Я не держу на тебя зла.

Он ведь и появился на свет из пробирки. У его родителей не было проблем с репродуктивным

здоровьем, они просто наотрез отказывались вступать в традиционный союз и предпочли процедуру экстракорпорального оплодотворения. К счастью, технологии тех лет ещё не дошли до выращивания эмбрионов в утробе свиноматок, так что его выносила и родила собственная мать.

Когда подростком он случайно наткнулся на этот медицинский договор, в его голове наконец-то всё встало на свои места. Теперь было ясно, почему его семья так разительно отличалась от нормальных семей. Он попросту не умел чувствовать то, что обычные люди называют «любовью» — эта способность была заблокирована в его коде с самого рождения.

«А ведь мама оказалась права».

Он очнулся от криогенного сна, прожил в этом новом, закованном в лёд мире несколько месяцев, и только сейчас его пронзила страшная мысль: Лоян мёртв. Он ведь не был цифровым бессмертным, как Альфа.

Сян Наньли отлично понимал это умом. Вот только осознание догнало его лишь сейчас.

В его личном восприятии времени они расстались с Лояном всего пару месяцев назад.

Перед тем как лечь в капсулу, Сян Наньли медленно угасал от рака. Он харкал кровью прямо во время разговора. И каждый раз Лоян цепенел от ужаса, а затем поспешно отворачивался, пряча набегающие слёзы. Этот мальчишка с двадцати одного года до тридцати восьми лет — долгие семнадцать лет своей жизни — без остатка посвятил служению ему.

А теперь он открыл глаза в будущем — и их разделила вечность. Всё-таки это было чертовски несправедливо.

Внезапный приступ ностальгии заставил Сян Наньли замереть на пороге барака. Он долго стоял на пронизывающем ветру, глядя в пустоту.

На стекле линз высветилось новое сообщение:

[Сообщение от: Дунфан Цинди]

[- Почему ты до сих пор не пришёл?]

Сян Наньли выдохнул в микрофон:

— Я соскучился по Лояну.

В ту же секунду перед глазами Сян Наньли завертелся безумный хоровод из цифровых помех,

битых пикселей и хаотичных строчек кода. Вспышка ядовитого неона заставила его зажмуриться от внезапной головной боли.

Он торопливо сорвал электронную линзу и недоумённо покрутил её в руках.

— Сломалась, что ли? Быть не может.

В шуршащих зарослях сухостоя неподалёку раздался треск.

Сян Наньли поднял голову и увидел Сириуса, пробиравшегося сквозь бурьян.

Боец был одет на удивление легко: простая чёрная майка да армейские брюки, на запястье тускло поблёскивал турнирный браслет. От его разгорячённого тела волнами шёл едва заметный пар.

На его фоне Сян Наньли, укутанный в несколько слоёв тёплой одежды, выглядел неповоротливым полярным медведем.

Они переглянулись. Возникла неловкая пауза. Наконец Сириус сдержанно кивнул ему в знак приветствия.

— Привет, Сириус, — дружелюбно улыбнулся Сян Наньли. — А ты разве не на жеребьёвке?

— Я съездил туда ещё к шести утра, — глухо отозвался тот. — В это время там никого. А от участия в церемонии открытия я отказался — всё равно я птица мелкого полёта.

Бросив эту фразу, он направился к дверям барака.

Полминуты спустя из той же травы робко высунулась диковинная голова. Существо с острым, сморщенным лицом напоминало облезлую обезьянку — кожа да кости, покрытые редкой жёсткой шерстью.

Стоило ему встретиться взглядом с Сян Наньли, как оно с тихим писком юркнуло обратно в заросли, словно напуганная крыса.

«Бракованный гомункул?» — промелькнуло в мыслях у Сян Наньли.

В этот момент из жилого блока вышел Сириус, таща в руках увесистую дорожную сумку.

Он расстегнул молнию и бережно опустил её на заснеженную землю перед кустами.

— Здесь питательная паста, антибиотики, жаропонижающее... — Сириус перечислял глухим, монотонным голосом. — И ещё планшет, я закачал туда словари. Пользуйтесь.

Из глуши слышался тихий писклявый лепет.

Сириус протянул сумку вперёд. Из зарослей навстречу ему тут же потянулось несколько пар худых, грязных ручонок — судя по всему, там прятался целый выводок этих бедолаг.

Схватив пожитки, маленькие приёмыши дружно шмыгнули прочь.

— В окрестностях рыщут мутанты, — негромко заметил Сян Наньли. — Проводил бы ты их, а то сожрут ещё.

Сириус на мгновение замер, но затем покачал головой:

— Не нужно. Они справятся.

Около полуминуты он мялся на месте, ожидая расспросов, но Сян Наньли лишь спокойно чистил защитные очки. Не выдержав затянувшейся паузы, боец заговорил сам:

— Они тоже из наших. Из жертв экспериментов.

Сян Наньли удивлённо приподнял бровь:

— Вот как?

— Вечный город, — бесстрастно начал Сириус. — Моя родина. Там все новорождённые проходят через жестокий отбор. Самых крепких детей забирают слуги городского лорда и вкалывают им генетическую сыворотку. Половина гибнет сразу, в муках. Другая половина превращается в уродливых монстров — их пристреливают ещё до того, как завершится мутация. И лишь единицы выживают, становясь... вот такими тварями, как я.

Сян Наньли невольно вспомнил видеозапись, которую показывал ему Сяо Цин. На тех кадрах из разорванной плоти Сириуса с хрустом прорастали волокна алых мышц, раздувая его тело до исполинских размеров. Точно так же, как это происходило с Синь Чжуем.

Однако организм Сириуса был намного слабее. Каждое снятие генетического замка наносило ему колоссальный урон, расшатывая и без того хрупкий биологический баланс. Он словно расплачивался за силу годами собственной жизни.

— После активации скрытых генов телу требуется невероятное количество чистой энергии и

питательных веществ, чтобы восстановиться. Без этого мы — обычный расходный материал. Наш лорд называет нас биохимическими воинами. В Вечном городе такие модифицированные калеки редко доживают до двадцати пяти. Мне сейчас двадцать четыре. Пять лет назад меня продали бойцовскому клубу. — Сириус горько усмехнулся. — Извини, что-то я разболтался. Сам не понимаю, с чего вдруг решил излить душу первому встречному.

Возможно, дело было в мягком, лишённом безразличности взгляде Сян Наньли. В его глазах Сириус прочитал лишь искреннее сострадание и принятие.

За свою жизнь Сириус натерпелся всякого: его игнорировали, разглядывали как диковинку в цирке уродцев, презирали, обдавали ледяным равнодушием. Такова была жестокая реальность их века.

Когда ресурсы на исходе, за глоток чистой воды или корку хлеба люди готовы глотки друг другу перегрызть. В такое время каждый думает только о собственной шкуре.

Никому и в голову не придёт поинтересоваться, за какие грехи бесправные рабы носят на шеях тяжёлые электронные ошейники.

И уж точно никто не станет смотреть на уродливых, слепленных из генетического мусора гомункулов с теплотой и пониманием.

Сириус выудил из кармана брюк мятую пачку дешёвых сигарет, щёлкнул зажигалкой и затянулся.

— Будешь, господин Сян?

— Зови меня просто Сян Наньли. Спасибо, не курю.

Сириус примостился на щербатой деревянной скамье рядом с ним.

— Менеджер клуба обмолвился, будто тебя достали из криогенной капсулы. Это правда?

— Да, чистая правда.

— Расскажешь, как оно там было? Ну, в твоём времени, сотни лет назад, — нерешительно попросил Сириус. — Если это личное, то не настаиваю.

Парень криво усмехнулся:

— Просто инквизиторы вовсю трубят на поверхности, что их цель — отбросить человеческую

цивилизацию на тысячу лет назад.

Сян Наньли негромко рассмеялся:

— Да брось, секретов тут нет. Дай-ка вспомнить... Это было ещё до Кризиса мыслящих машин, когда об Альянсе никто и не слыхивал. Я работал в крупной корпорации, мы тогда только-только проектировали Альфу. Кругом царил мир. Пожалуй, то была золотая эпоха нашей истории. Больше девяноста процентов населения жило в залитых солнцем городах прямо на поверхности земли. Никаких войн. С голодом, эпидемиями и природными катаклизмами мы справлялись силами науки. Наш мир был процветающим, величественным и... свободным.

Сириус затянулся крепким дымом, его суровое лицо немного разгладилось.

— Звучит красиво. Жить на поверхности и не голодать — уже предел мечтаний. Больше похоже на сказку.

— В моих мечтах создание сильного искусственного интеллекта должно было запустить четвертую промышленную революцию, — вздохнул Сян Наньли, глядя на кружащиеся снежинки. — Мы верили, что машины полностью освободят человека от тяжёлого труда, возьмут на себя рутину и создадут избыток благ, который станет достоянием каждого. Людям больше не пришлось бы выживать. Мы планировали развиваться бок о бок с мыслящими машинами, совершить эволюционный скачок от углеродной формы жизни к кремниевой. Навсегда забыть о хрупкости плоти и страхе смерти. Мы должны были покорить звёзды, уйти в глубокий космос...

Сириус молча переваривал услышанное.

— Если бы не этот проклятый бунт машин... возможно, всё так и случилось бы.

— Сян Наньли, — раздался за их спинами ровный, леденящий душу голос.

Сян Наньли обернулся и просиял:

— Сяо Цин? А ты как здесь оказался?

Сириус быстро оценил ледяную мину застывшего неподалёку Дунфан Цинди и поспешно поднялся со скамьи, чувствуя себя крайне неловко.

— Ладно, я пойду. Не буду вам мешать.

Хотя между ним и Сян Наньли не было и тени флирта, взгляд прибывшего андроида так и метал молнии — словно он застукал благоверного за изменой. Ревнивые железяки в гневе

страшны.

Сириус поспешил скрыться среди лабиринта грузовых контейнеров и юркнул в свой барак.

Дунфан Цинди замер как изваяние. На его красивом лице не дрогнул ни один мускул, однако Сян Наньли кожей почувствовал исходящую от него волну глухого смятения и внутренней борьбы.

Улыбка сошла с губ профессора, уступив место тревоге.

— Что случилось, Сяо Цин? На тебе лица нет.

Пара невесомых снежинок опустилась на пушистые ресницы андроида и тут же растаяла, сбегая по щекам тонкими, похожими на слёзы струйками.

Дунфан Цинди пристально посмотрел на него. Его пальцы мелко дрожали, сжимаясь в кулаки.

— Как думаешь, он раскаивается?

Сян Наньли растерялся:

— О ком ты? В чём раскаивается?

— Тот, кто создал Альфу, — голос андроида прозвучал глухо, почти хрипло. — Глядя на то, во что превратился этот мир... чувствует ли он вину за то, что натворил?

Вопрос ударил наотмашь — слишком личный, слишком беспощадный. Если бы эти слова сорвались с губ самого Альфы, Сян Наньли, пожалуй, не нашёл бы в себе смелости ответить.

К слову, сейчас это был лишь досужий разговор на пустыре. Дунфан Цинди не знал, кто перед ним, а сам Сян Наньли для здешних обитателей оставался безвестным механиком-самоучкой, по чистой случайности носившим имя легендарного учёного.

Сян Наньли отвёл взгляд. Несколько мгновений он тупо смотрел на падающие хлопья грязно-жёлтого снега, тающие на его плотном комбинезоне.

— У истории свои законы, — тихо произнёс он. — Не будь Альфы, человечество непременно создало бы другой суперкомпьютер. Глупо винить одного-единственного человека в катастрофе, которая зрела десятилетиями. Это закономерный итог развития нашей цивилизации. Возможно, согласно расчётам Альфы, люди той эпохи уже зашли в тупик и мешали собственному прогрессу. Или же его имитационный модуль очеловечивания дал сбой,

породив тёмную, разрушительную личность, которая возненавидела своих создателей.

Сян Наньли умолк. Тишину нарушал лишь свист ветра да заунывный шелест сухой травы, гнущейся до самой земли.

— И всё же? — не отступал Дунфан Цинди, ловя каждое движение его губ.

— И всё же... — Сян Наньли с трудом выдавливал из себя слова. — Я не имею права прощать его от лица сотен миллионов погибших.

Он закрыл лицо ладонями и бессильно опустился на колени прямо в сугроб. Огромная, невыносимая тяжесть прошлых веков навалилась на его плечи, заставляя согнуться под её неподъёмным весом.

— Но я не жалею о том, что создал его, — прошептал он сквозь пальцы. — Он — моё величайшее, самое совершенное творение. И я всё ещё люблю его.

Сквозь пелену отчаяния Сян Наньли почувствовал, как Дунфан Цинди сделал к нему шаг. Спустя мгновение на его плечо легла тёплая ладонь.

Андроид опустился рядом с ним на колени. Его голос прозвучал удивительно мягко — так ласково он не разговаривал ещё ни разу:

— Думаю, ему было бы очень важно услышать эти слова. Спасибо тебе, Сян Наньли.

<http://bllate.org/book/18349/1763487>